

ПАЛЬМИРА*)

«Въ одиннадцатомъ году царствованія турецкаго султана Абдуль-Гамида, сына Ахмеда, въ то время, когда побѣдоносное русское войско овладѣло Крымомъ и водружало свои знамена на побережъѣ, ведущемъ къ Константинополю, я путешествовалъ по Оттоманской имперіи и объѣзжалъ страны, бывшія нѣкогда царствами Египта и Сиріи.

«Я прибылъ къ городу Гемсу на берегу Оронта; здѣсь, находясь вблизи Пальмиры, лежащей въ пустынѣ, я рѣшилъ самъ осмотрѣть ея знаменитые памятники. И вотъ, послѣ трехъ дней пути по выжженной пустынѣ, проѣхавъ долину, усѣянную пещерами и могилами, я, вдругъ, при выходѣ изъ нея, увидѣлъ на равнинѣ поразительную картину развалинъ. Неисчислимое множество великолѣпныхъ колоннъ, подобно аллеямъ нашихъ парковъ, уходили симметрическими рядами въ безконечность. Среди нихъ высились большія зданія, одни цѣлыя, другія полу-разрушенныя. Со всѣхъ сторонъ земля была покрыта такими обломками — карнизами, капителями, кусками колоннъ, архитравами, пилястрами, — все изъ бѣлаго мрамора, чудесной работы. Три четверти часа я шелъ вдоль этихъ развалинъ и наконецъ вступилъ въ ограду обширнаго зданія, бывша-

*) Предлагаемые два очерка М. Гершензона: „Пальмира“ и „Человѣкъ, одержимый Богомъ“, войдутъ въ составъ сборника „Пальмира“, подготовляемаго къ печати издательствомъ „Эпоха“.

го нѣкогда храмомъ солища. Здѣсь мнѣ оказали гостепрѣимство бѣдные арабскіе земледѣльцы, хижины которыхъ стояли на самой паперти храма, и я рѣшилъ провести здѣсь нѣсколько дней, чтобы подробно изучить красоту всѣхъ этихъ сооружений.

«Каждый день я выходилъ и осматривалъ какой нибудь изъ памятниковъ, покрывающихъ равнину. И въ одинъ вечеръ, когда, погруженный въ раздумье, я незамѣтно достигъ «долины могилъ», — я поднялся на окружающія ея высоты, откуда взоръ господствуетъ сразу и надъ всѣмъ пространствомъ развалинъ, и надъ безпредѣльною пустыни. Солнце только что сѣло; блѣдно-красная полоса еще обозначала его слѣдъ на отдаленномъ горизонтѣ Сирийскихъ горъ. Съ востока полный мѣсяцъ выходилъ на голубомъ фонѣ надъ плоскими берегами Евфрата, небо было чисто, воздухъ покоенъ и ясенъ; гаснущій блескъ дня скрадывалъ жуть темноты, первыя вѣянія ночной прохлады умѣряли зной раскаленной земли. Пастухи увели своихъ верблюдовъ; взоръ не улавливалъ уже никакого движущаго на однообразной сѣрой равнинѣ; глубокое безмолвіе царило въ пустынѣ, — лишь изрѣдка слышался заунывный крикъ какой-нибудь ночной птицы или шакала. Тѣма сгущалась, и сквозь сумракъ я могъ различать уже только бѣлѣющіе призраки колоннъ и стѣнъ».

Сѣвъ на обломокъ колонны, Вольней — (потому что это его разсказъ) — предался глубокому размышленію.

«Я говорилъ себѣ: здѣсь процвѣталъ когда-то богатый городъ; здѣсь было средоточіе могучаго царства. Да! Эти мѣста, теперь столь пустынные, — нѣкогда въ ихъ предѣлахъ кипѣло жизнью многолюдное населеніе; по этимъ, нынѣ безлюднымъ дорогамъ двигалась дѣятельная толпа. Эти стѣны, гдѣ теперь царитъ угрюмое молчаніе, непрерывно оглашались звуками ремеслъ, кликами веселья и празднества; эти груды мраморныхъ обломковъ образовали стройные дворцы, эти разбитыя колонны украшали величественные храмы, эти обрушившіяся галереи окаймляли

общественныя площади. Сюда стекалось многочисленное население для святыхъ обязанностей своего культа, для трогательныхъ нуждъ своего пропитанія; сюда промышленность, источникъ наслажденій, привлекала богатства вѣхъ странъ, здѣсь Тирскій пурпуръ обмѣнивался на драгоценную Сирійскую пряжу, нѣжныя ткани Кашмира — на великолѣпныя Лидійскіе ковры, янтарь Балтики — на жемчугъ и благовонія Аравіи, золото Офира — на олово Туле.

«А теперь — вотъ что осталось отъ этого могущественнаго города: жалкій скелетъ! Вотъ что уцѣлѣло отъ громадной державы: темное и бесполезное воспоминаніе! Шумныя скопища, тѣсвившіяся подъ этими портиками, смѣнились мертвымъ безлюдьемъ, многоголосый шумъ площадей смѣнило гробовое молчаніе, богатство торговаго города превратилось въ безобразную бѣдность. Царскіе дворцы сдѣлались убѣжищами дикихъ звѣрей, загоны для скота стоятъ въ преддверіи храмовъ и отвратительныя пресмыкающіяся обятаютъ въ святилищахъ боговъ... Почему угасла такая слава? почему плоды столькихъ трудовъ обратились въ ничто? Такъ вотъ какъ гибнуть созданія человѣка! вотъ какъ исчезаютъ царства и народы!

«И въ моей памяти ярко ожила исторія минувшихъ временъ. Я вспоминалъ тѣ далекіе вѣка, когда двадцать славныхъ народовъ обитали въ этихъ мѣстахъ. Я видѣлъ Ассирію на берегахъ Тигра и Халдею на берегахъ Евфрата, Персію, простершую свое владычество отъ Инда до Средиземнаго моря. Я перечислялъ себѣ царства Дамаска и Идумеи, Иерусалима и Самаріи, воинственныя государства филистимлянъ и торговыя республики Финикіи. Я говорилъ себѣ: въ этой Сиріи, теперь почти обезлюдѣвшей, насчитывалось тогда сто могущественныхъ городовъ; эти пространства были покрыты селами, мѣстечками, деревушками. Куда ни кинуть взглядъ, всюду были видны обработанныя поля, людныя дороги, густыя поселенія. Куда дѣвались тѣ

времена изобилія и жизни? что случилось со всѣми этими прекрасными созданіями человѣческихъ рукъ? Гдѣ валы Нипевія, стѣны Вавилона, дворцы Персеполя, храмы Бальбека и Иерусалима? Гдѣ флоты Тира, всрѣи Арада, мастерскія Сидона и это множество матросовъ, кормчихъ, купцовъ, солдатъ? и эти земледѣльцы, и эти жатвы, и эти стада, и все это творчество живыхъ существъ, которымъ гордилось лицо земли? Увы! я объѣхалъ эту опустошенную землю! Я посѣтилъ мѣста, бывшія ареною столько славъ, и видѣлъ лишь запустѣніе и безлюдье! Я искалъ старыхъ народовъ и ихъ созданія, и видѣлъ лишь ихъ слѣды, подобный тому, какой оставляетъ стопа путника въ песокѣ. Храмы обвалились, дворцы лежать въ обломкахъ, пристани засыпаны, города разрушены, и безлюдная земля представляетъ печальное кладбище... Великій Боже! Что же вызываетъ такіе ужасные перевороты? Почему такъ глубоко измѣнилась участь этихъ мѣстъ? почему разрушилось столько городовъ? Почему это древнее народонаселеніе не воспроизводилось и не продолжалось?» (Volney, *Les ruines*, t. I, ch. I-II)

Можно простить Вольнею его краснорѣчіе за правду и теплоту его грусти; гдѣ еще умѣстнѣе полноводіе слова, нежели здѣсь? Онъ выразилъ чувство, которое неизбежно рождается во всякомъ человѣкѣ, умѣющемъ чувствовать и размышлять; та-же грусть охватила бы на его мѣстѣ каждый изъ насъ и то же скорбное недоумѣніе возникло бы помимо воли въ каждомъ умѣ. Странная вещь! На нашихъ глазахъ ежеминутно распадается созданное, и однако, наперекоръ этому неизмѣнному опыту, мы твердо вѣримъ въ неразрушимость вещей и оттого недоумѣваемъ при видѣ развалинъ; нашъ первый вопросъ — почему? Мало того: мы сами поминутно разрушаемъ, — все наше творчество есть разрушеніе формъ для созданія новыхъ, — а въ какомъ-то цѣлостномъ и надмірномъ чувствѣ мы беззавѣтно убѣждены, что сама верховная воля поручилась всякому воплощенному бытію въ его неразрушимости, и потому увѣ-

ренно знаемъ разрушеніе недолжнымъ, неправымъ, — вопіющимъ нарушеніемъ вѣчнаго благого закона.

Дѣло въ томъ, что это чувство несправедливости при видѣ развалинъ есть вовсе не объективное, но совершенно личное, волевое чувство. Рѣчь идетъ не о Пальмирѣ, развалины которой я созерцаю: *mutato nomine de me ipso fabula narratur*. Каждый храмъ, каждый домъ, каждый промыселъ и культъ на этомъ мѣстѣ были организованной формой; здѣсь были безчисленные и прекрасныя организованныя формы, и совокупность ихъ образовала одну полную индивидуальность — Пальмиру. Но я самъ — такая же цѣльно-сложная индивидуальность; и для себя я — прообразъ всякой организованной формы, всѣхъ Пальмиръ, бывшихъ, сущихъ и будущихъ. Не Пальмира разрушена: въ ней разрушена индивидуальность, я самъ, живой, разрушенъ въ ней! Я смотрю, чувствую, мыслю, — и однако я безвозвратно умеръ, въ прошломъ или будущемъ — не все ли равно! Моя личность не можетъ, не смѣетъ быть разрушена; каждое мое дыханіе подтверждаетъ мнѣ эту увѣренность, — безъ нея я не могъ бы ни творить, ни жить. Значитъ, и никакая другая личность не можетъ быть разрушена, и Пальмира должна цвѣсти понынѣ. Почему же она погибла? Ужасъ, ужасъ! Нарушенъ самый незыблемый законъ міроздавія, міръ сошелъ со своей орбиты — какъ теперь жить? — Вотъ почему видъ развалинъ вызываетъ въ насъ гѣрестное удивленіе: эта гибель организованной формы есть прообразъ нашей собственной смерти.

Цѣльности давъ одинъ, но внутренне-противорѣчивый законъ: разрушать другія личности, чтобы утверждать себя неразрушимой. Отчего въ ней равно сильны — увѣренность въ разрушимости всѣхъ остальныхъ созданій, и увѣренность въ своей собственной неразрушимости. Когда же разумъ, созрѣвъ, ставитъ въ общей формѣ вопросъ о судьбѣ личнаго бытія и на основаніи объективнаго опыта отвѣчаетъ, какъ и естественно: все возникающее обречено гибели, — личность тайно въ себѣ отвергаетъ этотъ отвѣтъ,

какъ ложь и кощунство, потому что она для себя увѣрена въ противномъ. Такъ происходитъ разрывъ въ душѣ, противоборство двухъ сознаний: знаю, что Пальмира рано или поздно должна была погибнуть, какъ гибнетъ всякая организованная форма, — и знаю, что она не должна была погибнуть, какъ самъ чувствую мою личность во-вѣки неугаваемой. И такъ какъ всякое созданіе для насъ — Пальмира, то зрѣлище всякой смерти ранитъ насъ тѣмъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ.

А если разложить это чувство на смыслы, получится забавная глупость. Гамлетъ на кладбищѣ съ горькимъ смѣхомъ говоритъ о человѣческой участи. Черепъ Юрика — тоже, что развалины Пальмиры. Бѣдный Юрикъ! Куда дѣвались твои шутки, пѣсли и остроты? Александръ Македонскій покорилъ полъ-міра, а когда умеръ, — разложился въ прахъ и, можетъ быть, этимъ прахомъ, смѣшаннымъ съ водою, замазали втулку пивной бочки. Гамлету почти дурно; онъ говоритъ, что его собственныя кости болятъ при видѣ этихъ могильныхъ костей. Чего же онъ хотѣлъ бы? То, что есть и что видеть, — смерть и сопутствующее ей разрушеніе, — кажется ему ужаснымъ; очевидно, правильнымъ и хорошимъ онъ призналъ бы противоположное. Онъ былъ бы удовлетворенъ, если бы Юрикъ и Александръ Великій были живы и сейчасъ — и почему только до этой минуты? — нѣтъ, разумѣется во-вѣки! Но при обычномъ ходѣ дѣлъ Юрикъ давно сдѣлался бы старикомъ и утратилъ бы свою кипучую живость, и Александръ за полтора тысячелѣтія одряхлѣлъ бы до жалкаго слабоумія. Конечно, не такими Гамлетъ хотѣлъ бы видѣть ихъ передъ собою; Юрикъ долженъ былъ бы жить вѣчно такимъ, какимъ онъ былъ во цвѣтъ силъ, Александръ — какимъ онъ побѣждалъ и пировалъ въ Персеполи. Теперь пусть бы Гамлетъ свои частныя пожеланія, о Юрикѣ и Александрѣ, обобщилъ универсально, какъ того требуетъ здравый смыслъ, — оказалось бы, что онъ требуетъ дѣленія всемірной исторіи на двѣ

части: каждое созданіе должно до своего полного расцвѣта расти и развиваться, а съ этого момента оставаться неизмѣннымъ, т. е. жизнь должна быть на-половину динамической, на-половину статической. Юрику до сихъ поръ пѣль бы пѣсни и сыпалъ остроты, Александръ, все еще 30-лѣтній, по-прежнему молніеносно проходилъ бы со своимъ войскомъ страну за страной, побѣждая и пируя послѣ побѣдъ. Точно того же хочетъ Вольней. И онъ въ своей мечтѣ бессознательно повелѣваетъ исторіи раздѣлиться: до расцвѣта Пальмиры — ростъ, накопленіе, восхожденіе, съ момента расцвѣта — однообразное цвѣтеніе. Но вѣдь Пальмира была не одна въ мірѣ; она возрастала не сама въ себѣ, а на счетъ окружавшихъ ее организованныхъ формъ, защищаясь и нападая въ кругу индивидуальностей, подобныхъ ей, поглощая извлекаемая ею изъ нихъ родовыя силы, — т. е. она могла возрастать только въ силу всемірно-историческаго динамизма; а для того, чтобы во второй періодъ, о которомъ мечтаетъ Вольней, она могла оставаться равномерно-цвѣтущей, вокругъ нея должна была бы установиться полная неподвижность, и такъ какъ окружающія ее индивидуальности также, разумѣется, были окружены другими индивидуальностями, то должно было бы остановиться все на поверхности земли. Малѣйшая пылинка можетъ остаться неизмѣнной только въ томъ случаѣ, если прекратится всякое движеніе въ мірѣ. Слѣдовательно, мечтаемая Вольнеемъ Пальмира была бы всемірнымъ вампиромъ: въ тотъ день, когда она достигла расцвѣта, должно было бы навсегда остановиться расцвѣтаніе всѣхъ другихъ Пальмиръ, всѣ созданія должны были бы навсегда остаться такими, какими ихъ засталъ этотъ день. Гамлетъ, скорбя о смерти Юрика, своей обратной мечтой обрекаетъ самого себя навѣки остаться ребенкомъ, какимъ Юрикъ носилъ его на плечахъ. Какая смѣшная глупость!

Да! Но и какая неизбежная, какъ трогательная глупость! Въ основаніи ея — неискоренимый инстинктъ самосохраненія, субъективно сказывающійся безусловной вѣ-

рой личности въ ея неразрушимость. Отсюда неизбежное умозаключеніе: если я разрушимъ, то и всякая другая организованная форма, всякое «не — я», неразрушима. Но такъ какъ, по закону вещей, личность можетъ существовать только на счетъ другихъ личностей, т. е. разрушая ихъ, то, постулируя безсмертіе «не—я», я тѣмъ самымъ постулирую смерть своего «я»; или вторая посылка, неминуемо вытекающая изъ первой, неминуемо убиваетъ ее. Человѣкъ живетъ двойной жизнью: нагнувшись надъ цвѣткомъ, умиляется его красотѣ и страстно благословляетъ его на вѣчное цвѣтеніе, — но въ то же самое мгновеніе, когда благословляетъ, — срываетъ его.

Мнѣ жалъ цвѣтка, это живое «не—я», внѣположное воплощеніе моего «я», которое я изъ чувства самосохраненія инстинктивно хочу знать неразрушимымъ, и которое однако какъ разъ изъ самосохраненія и непременно долженъ уничтожить, чтобы ассимилировать себя. Мы похожи на древнія царства, которыя неустанно покоряли сосѣднія страны — и среди своихъ побѣдъ твердо вѣрили въ собственную непобѣдимость. Оба эти чувства: потребность побѣждать другихъ и вѣра, въ свою непобѣдимость, вложены въ насъ природой; безъ нихъ жизнь была бы невозможна. Но надъ обоими, какъ бѣлое облако, восходитъ третье, ненужное и бессмысленное, но не природное, а наше, чело-вѣческое чувство: моя, Гамлета, Вольнея грусть надъ развалинами Пальмиры. Воля животнаго безысходно ограничена природной цѣлесообразностью, — только человѣкъ перешагнулъ этотъ кругъ; тайное желаніе Гамлета, чтобы Александръ былъ вѣчно юнъ, идетъ наперерѣзъ законамъ природы. Подлинно-человѣческое въ мірѣ одно: *volō, quia absurdum*.

М. Гершензонъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ОДЕРЖИМЫЙ БОГОМЪ

Одичалый, угрюмый, ни съ кѣмъ не общался, онъ недѣли и мѣсяцы живетъ въ тупомъ оцѣпененіи и таяко томится; а внутри его неустанно идетъ глухое броженіе, словно совершается химическій процессъ. И вдругъ изъ броженія вспыхнеть опредѣленная безотчетная потребность, — и онъ идетъ, точно голимый вихремъ, идетъ безъ мысли, въ какомъ-то изступленіи, пока дойдетъ за много миль въ то мѣсто, куда ему велѣла идти душа, не объясняя зачѣмъ. Его видъ пугаетъ встрѣчныхъ по дорогамъ; но они знаютъ его: зимою и лѣтомъ въ шкурѣ мѣхомъ наружу, подпоясанный кожанымъ поясомъ, простоволосый, съ израненными отъ дороги голыми ступнями, это — пророкъ Ілія. И люди говорятъ между собою: «Духъ Божій опять несетъ его куда-то».

Внезапно, страшный, предсталъ царю и обжегъ его предсказаніемъ долгой засухи; а самому духъ Божій велѣлъ на это время идти къ потоку Хораѳу и жить тамъ. Тамъ ручей поилъ его и вороны носили ему пищу. Когда-же ручей высохъ отъ бездождія, духъ повелѣлъ ему идти въ Сарпенту. Путь былъ далекій и вѣрно сильный зной; дойдя до города, онъ изнемогъ отъ голода и жажды. Увидавъ вдову, собиравшую хворостъ, онъ попросилъ у нея напиться, потомъ въ дочонку крикнулъ ей, чтобы принесла ему также кусокъ хлѣба. На ея отвѣтъ, что, собравъ дрова, она хочетъ изъ послѣдней горсти муки и послѣдней ложки масла ис-

печь хлѣбъ для себя и своего сына, онъ говорить ей: «сдѣлай такъ, но раньше испеки небольшой опрѣснокъ и принеси мнѣ»; значить, такъ ослабѣть, что не можетъ ждать, пока она испечетъ настоящій хлѣбъ: пусть это будетъ хоть прѣсная лепешка. Такъ гонить его съ мѣста на мѣсто, и онъ самъ за минуту не знаетъ, куда духъ пошлетъ его. Онъ говорить царскому слугѣ: «пойди, скажи царю, что я жду его здѣсь»; по слуга взмолился: «Царь давно тебя ищетъ; пока я пойду къ нему, духъ Божій опять унесетъ тебя невѣдомо куда, и онъ, не найдя тебя на этомъ мѣстѣ, велитъ казнить меня за обманъ». И когда огненная колесница унесла Илію на небо, сыны пророковъ настояли на томъ, чтобы послать искать его: можетъ быть духъ Божій опять унесъ его и повергъ гдѣ-нибудь на горѣ или въ долинѣ, какъ бывало столько разъ. Его гонитъ безъ причины изъ Иерусалима въ Вирсавію, оттуда за сорокъ дней пути къ Хориву, оттуда черезъ пустыню въ Дамаскъ, или въ другой разъ — изъ Галгала въ Вивиль, оттуда въ Иерихонъ, оттуда къ Иордану. Люди называютъ это: «Духъ Господень носить его», или еще иначе: «Рука Божья на немъ». Такъ сказано: «И была на Иліи рука Господня: онъ опоясалъ чресла свои и бѣжалъ предъ Ахавомъ до самого Изрееля». Какое зрѣлище! царская колесница мчится подъ проливнымъ дождемъ отъ Кармила въ Изреель, а впереди, въ изступленіи, не чувствуя ни потоковъ сверху, ни острыхъ камней и грязи подъ ногами, бѣжитъ безумный человекъ въ звѣриной шкурѣ. И, добѣжавъ, навѣрное упалъ безъ дыханія. Это изгнание было ненужно, — дѣло было сдѣлано раньше и кончено къ отъѣзду царя, — но такъ внезапно внушилъ ему духъ, и онъ долженъ былъ повиноваться.

Онъ — точно безвольный рабъ. Но присмотритесь къ нему — что онъ? Какъ садовникъ обрѣзаетъ вѣтви у растенія, чтобы оно не тратило соковъ, такъ онъ лишаетъ всего, что образуетъ личную жизнь людей. Наша жизнь устремлена наружу; личность истощаетъ свою силу на буйную поросль вѣтвей, старается выслать ихъ изъ себя какъ можно больше числомъ, какъ можно длиннѣе и лиственнѣй. Это

наши замыслы, привязанности, предприятия, — всё наши чувства, мысли и дѣла, которыя простерты въ міръ. Илія стоитъ, какъ голый стволъ, питаемый одними своими корнями: вѣрно могучіе корни! — только далеко вверху небольшая крона — лицо. Его личность вся съ невиданной силой сосредоточена внутри, его воля — стихійная воля, и его воля — его мышленіе. Оттого внутренній голосъ не дробится у него въ вѣтвяхъ, какъ у насъ, а мгновенно и чисто доходитъ до его слуха непреложнымъ приказомъ, которому невозможно не повиноваться. Это называется: «И было къ нему слово Господне». Онъ слышитъ свой внутренній голосъ, какъ объективное сужденіе или велѣніе, и потому онъ нетерпимъ, онъ въ своемъ личномъ опытѣ не знаетъ ни колебаній, ни заблужденія. Онъ не можетъ понять людей: «Долго ли вы будете хромать на оба колѣна? Если Іагве есть Богъ, то послѣдуйте ему, а если Ваальъ, то ему послѣдуйте». Но онъ знаетъ навѣрное, что Богъ — Іагве, и потому онъ во имя Іагве пророчесвуетъ казни и самъ казнить. И оттого-же онъ чрезъ свои корни непосредственно воспринимаетъ міровую жизнь, «и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье». Онъ уже слышитъ шумъ приближающагося дождя, когда небо еще совершенно безоблачно; онъ знаетъ мѣсто и часъ своего вознесенія. Какъ Пушкинскій пророкъ, онъ подлинно видитъ и слышитъ, тогда какъ мы подслѣпы и глуховаты. Люди вѣроятно думаютъ, что онъ въ своей одержимости ничего не видитъ кругомъ; а онъ зорко смотритъ и помнитъ. Въ рѣшительную минуту, въ озареніи наивысшаго экстаза, онъ вдругъ — какъ всегда — ощущаетъ въ себѣ непреклонное рѣшеніе, велѣніе Бога: Поставить Азаила царемъ сирійскимъ, Іиуу — царемъ израильскимъ, и Едисея помазать въ пророки послѣ себя. Онъ конечно раньше видѣлъ ихъ всѣхъ и пристально разглядѣлъ, — теперь только вспомнилъ. Онъ навѣрное не слышитъ людскихъ дразгъ и сплетенъ, но что нужно, то слышитъ. Когда Ахавъ несправедливо присвоилъ себѣ виноградникъ Навуея, Илія, бывший вдали, тотчасъ явился — конечно, по слуху въ народъ; и когда Охозія по-

слалъ спросить совѣта у чужеземнаго Бога, онъ также мгновенно узналъ.

Такъ наперекоръ своей видимой безличности онъ — личность бесконечно болѣе каждаго изъ насъ, — нечеловѣчески концентрированная личность.

Но трудно человѣку, брэнной и вождельбующей плоти, поминутно всю жизнь чувствовать на себѣ руку Бога. Духъ, повелѣвающій Ильѣ, обнажилъ его кругомъ. У него нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни постоянного крова, ни какого-либо имуществва, ни одной привязанности, ни одной радости, ничего своего, личнаго. Духъ оставилъ ему только то, безъ чего невозможно самое существованіе: шкуру для тѣла, кусокъ хлѣба и мяса, да случайный кровъ отъ непогоды. И вся его жизнь въ подчиненіи духу — сплошное изпуреніе. Я представляю себѣ его спящимъ: какое измученное лицо! Онъ не ропщетъ, но иногда не въ силахъ удержатъ стона. Спасая свою жизнь отъ царицы-язычницы, онъ ушелъ далеко въ пустыню, сѣлъ подъ можжевельнымъ кустомъ и просилъ себѣ смерти. Его мольба тронула бы и каменное сердце; онъ просить: «Д о в о м ѣ н о уже, Господи! возьми душу мою». Онъ просить не отпускной, а именно смерти. Онъ знаетъ, что никакая сила не можетъ отпустить его на волю, чтобы онъ жилъ, какъ другіе люди, — потому что духъ, владѣющій имъ, — его собственная душа; только смерть можетъ освободить его.

Образъ Или возвышается въ исторіи человѣчества, какъ великанъ среди пигмеевъ. Онъ — величайшій изъ героев по Карлейлю, изъ тѣхъ, что безотчетно знаютъ и беззавѣтно исполняютъ велѣнія міровой воли. Я сказалъ, что эти велѣнія мгновенно доходили до него непреложнымъ приказомъ; о комъ еще изъ людей можно это сказать? — даже Христъ однажды усомнился и былъ искушаемъ. Велѣнія міра звучать трубнымъ звукомъ въ каждомъ изъ насъ, но этотъ звукъ обыкновенно доходить до нашего сознанія заглушенный и искаженный безчисленными перегородками, которыя сама личность помогала внѣшнему сообразу воздвигнуть въ ней. Блескъ мимолетная мысль, и

погаснеть. Другая мысль ярче загорится, побуждая волю дѣйствовать, и воля высылаеть въ направлеіи мысли слабое усиліе, какъ бы ложноложку амебы, которое робко ощупываетъ и вяло силится схватить. Третья мысль вспыхнетъ пламенемъ, и вотъ дѣйствіе выдвигается увѣренно, уже не ложноножка, а крѣпкій органъ духа, знающій свою власть надъ вещами. Самая легкая наша греза, и убѣжденіе, за которое человѣкъ идетъ на смерть, они — одной породы, образованы изъ одной субстанціи. Образъ Иліи изваянь европейскимъ народнымъ разумомъ, какъ предѣльный образъ человѣка, и мудро одѣтъ имъ въ звѣриную шкуру далекаго прошлаго. Эта первозданная цѣльность духа стала невозможна, — да она и не нужна. Не хочетъ и не долженъ человѣкъ быть одержимымъ, чтобы рука Бога вела его почти физически. Онъ долженъ пройти чрезъ все сомнѣнія своего ума и чрезъ всю глухоту и каменность своего сердца, долженъ все раскрыть и сознать въ себѣ; тогда онъ станетъ Ильею, свободно и весело исполняющимъ волю Хозяина.

М. Гершензонъ.
